

В ЧЁМ РОССИЯ «ОПЕРЕЖАЛА» ЕВРОПУ, или РОССИЯ КАК КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

М. Ходарковский

Университет Лойолы (Чикаго, США)

Аннотация: *В статье показано, что развитие колониальных органов управления в Российском государстве опережало становление колониальных учреждений в большинстве западноевропейских держав. В отличие от последних, в основном руководствовавшихся коммерческими интересами, Российская империя большей частью преследовала геополитические и стратегические цели. Преобладание государственных интересов во время экспансии Российской империи привело к тому, что Россия столкнулась раньше других с проблемами управления присоединёнными народами и была вынуждена разработать новые технологии государственного управления колониями, существенно опередив в этом Европу.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

Трудно спорить с аксиоматическим тезисом об отсталости России по отношению к Западной Европе. Действительно, в течении столетий Россия отставала от Европы практически во всех областях: коммерческой, научной, экономической, военной, религиозной и прочих. Однако сказанное относится в первую очередь к российскому обществу. Гораздо более спорным было говорить об отсталости российского государственного аппарата от его европейских аналогов. Именно чрезвычайно большая роль государства в истории страны является, на мой взгляд, главной особенностью, отличающей Россию от других европейских империй. Наряду с Испанией Московское государство раньше остальных европейских держав предприняло экспансию на территории, заселенные народами, исповедовавшими ислам или политеистические религии. На этих территориях оно ввело систему управления, которая впоследствии, будучи применена другими европейскими государствами, стала известна как колониальная.

Главной причиной, которая, как мне кажется, объясняет возникновение гипертрофированного государства в России, его экспансионистский характер и формы управления, была та, что Московское государство, а впоследствии и Российская империя долгое время оставались классическими примерами пограничных обществ (*frontier societies*), то есть обществ с открытыми границами, которые долгое время не могли быть четко определены и эффективно защищены.

Россия как пограничное общество

Московское государство сразу начиная с XIV-XV веков, складывалось как пограничное: его южные и восточные рубежи не могли быть четко обозначены. На этих своеобразных границах с московскими землями соседствовали не государства в европейском смысле, а племенные группировки кочевых или полукочевых народов. С точки зрения Москвы, границы эти были «государевыми украинами», на которых стояли «государевы украинные остроги». Однако на практике границы Московского государства на южном и восточном направлениях последовательно укрепить не удавалось на протяжении нескольких веков. «Украины» были фактически открыты в обширные евразийские степи и лесостепные пространства Сибири. Вследствие такой географической и геополитической ситуации Московское государство не могло защититься от постоянных опустошительных набегов кочевников, а главное — от потери десятков тысяч представителей работоспособного населения: жителей Московского государства угоняли в степь и продавали на местных рабовладельческих рынках. Однако неопределенность границ имела и другую сторону: отсутствие суверенных государств на восточных и южных окраинах постоянно влекло московских царей к экспансии и к завоеванию новых земель.

Начиная со второй половины XVII века, власти Московского государства вырабатывают новый стратегический подход и вкладывают огромные капиталы в постройку укрепленных оборонительных линий в степи. Вначале эти линии были предназначены для защиты местного населения, но впоследствии их возведение стало устойчивым методом колонизации новых земель. Постройка линий вела за собой переселение на «огороженные» земли крестьян и казаков. К концу XVIII века большая часть степи от Днепра до Яика была отвоена у кочевников и новые укрепленные линии приблизились вплотную к подножью Северного Кавказа и казахским кочевьям в Центральной Азии. Кажется, можно было бы счесть, что, в отличие от «нормальных» границ империи на Западе, укрепленные линии юридически были внутренними границами, но служили *de facto* внешними. Однако в действительности ситуация была более сложной.

С самого начала отношений с народами и племенами Сибири и Степи московские власти немедленно объявляли их своими подданными и настаивали на том, чтобы местные вожди и князья «давали шерть», то есть принимали присягу на верность московскому великому государю. С точки зрения Москвы, о каком бы то ни было равенстве между сакральным монархом и безгосударственными, не имевшими суверенитета народами, речи быть не могло. Главные элементы, на которых была основана политика Московского государства по отношению к народам на южных и восточных рубежах, были заимствованы из административной практики ханов Золотой Орды — шерть (присяга на подданство), аманат (заложник), ясак (дань). Принципы управления с помощью подобных практик во многом отличались от политических концепций, употреблявшихся на западных границах.

Элиты народов, живших в азиатской части быстрорастущей империи, напротив, понимали отношения с Москвой в контексте политической культуры своих обществ, то есть как отношения между братьями — старшим (московский государь) и младшим (местный вождь). Общества крайнего юго-востока Европы и Центральной Азии отличались высокой политической дифференциацией в том смысле, что их элиты были практически независимы от вождя и предоставляли ему своих воинов (если угодно, «милицию») только тогда, когда это им было выгодно. Аналогичным образом вожди понимали свое отношение к московскому царю как военно-политический союз независимых властителей. Неудивительно, что отношения с народами «по ту сторону фронта» часто сразу оказывались основанными на конфликте.

То, что отношения между Российским государством и вошедшими в его состав малыми народами воспринимались по-разному в столице и в местах расселения этих народов, было

очевидно. Многие представители «окраинных» элит, которые предпочли служить интересам России, неоднократно пытались объяснить московским, а впоследствии и петербургским властям тонкости устройства своих обществ. Более того, некоторые русские военачальники, хорошо знакомые с традициями новоприсоединенных народов, пытались довести до сведения центрального правительства, что политика по отношению к местному населению требует иных подходов. Например, Александр Суворов в 1779 году (на тот момент — военный руководитель Крыма и Кубани) писал, что понятия о подданстве среди адыгских народов на Северном Кавказе не существует и его лучше не применять [Сокуров 1999].

Тем не менее, несмотря на многочисленные предупреждения о неприменимости российских дипломатических и политических категорий к «окраинным» условиям, российские государственные чиновники продолжали еще в XIX веке полагаться на те же принципы, считая российскими подданными в совершенно равной степени и казанских татар, чьи земли были присоединены к Московскому государству еще в XVI веке, и народы Северного Кавказа, еще практически никак не интегрированные в имперское пространство.

Начиная с XVI века, Московское государство поставило себя в роль преемника ханов Золотой Орды и во многом поддерживало характерные для Орды принципы внешних отношений и внутреннего управления. Таким образом, с самого начала своего взаимодействия с различными народами в азиатской части будущей империи Московское государство исключило себя из системы международных отношений, господствующих в Европе и построенных на принципах римского права — например, «amicitia», традиционный союзный договор Рима с неримлянами¹. Впоследствии российская имперская идеология не позволяла отклонений от устоявшихся традиций или приспособления к местным условиям, поэтому она способствовала размыванию различий между внутренними и внешними границами. В новых условиях сохранялась и тенденция риторически включать в состав империи народы, которые практически оставались вне сферы контроля российского государства².

Противоречия были налицо. По сути, Российская империя включала в себя колониальные регионы и такие, которые правительство относило к «основной части» империи, но различие между ними никак не было оформлено³. На протяжении XIX века различные государственные деятели неоднократно предлагали ввести понятие колонии в Российской империи. Так, министр финансов Егор Канкрин (Георг Людвиг фон Канкрин) в проекте управления новоприсоединенными землями в Закавказье, поданном в 1827 году в Государственный совет, предлагал считать Грузию экономической колонией и управлять ей как таковой. В 1873 году генерал-губернатор Константин фон Кауфман в своем проекте «Положения об управлении Туркестанского края» сравнивал российские владения в Центральной Азии с Британской Индией и предлагал управлять ими как колонией, на что получил жесткий отрицательный ответ от военного министра Дмитрия Милютина [Brower 2003: 37]. Такую же реакцию встречали попытки сибирских публицистов и администраторов, которые время от времени предлагали считать Сибирь колонией⁴.

Колониальная ситуация в Сибири, где русское население и российские законы преобладали, была менее очевидной, чем на южных и юго-восточных окраинах. Там, несмотря на то что недавно покоренные народы официально считались подданными России, они продолжа-

¹«Amicitia», буквально: «дружба» — в Древнем Риме отношения клиента и патрона в политической области (например, amicitia была принципом организации политических группировок). Во внешней политике — договорные отношения, при которых Рим становился как бы патроном общин, присоединенных к империи [См. об этом: Braund 1984; Кашеев 1993: 218-219, 227 и сл. — Прим. ред.].

²Подробное освещение затронутых выше тем см. в моей работе: Khodarkovsky 2002.

³Подробнее см. в статье Ш. Родевальда в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — Прим. ред.

⁴В 1882 году министр внутренних дел Д.А. Толстой в ответ на предложение своего чиновника о сближении Сибири с метрополией резко заметил: «У нас нет колоний» [Ремнев 2010: 158].

ли управляться через Министерство иностранных дел. Подобный метод был для России традиционным: так, калмыки еще в конце XVII века, через несколько десятилетий после объявления их подданными⁵, управлялись через Посольский приказ. Точно так же завоеванные территории Центральной Азии управлялись в XIX веке Азиатским департаментом, который был частью Министерства иностранных дел. Такой же департамент существовал при Военном министерстве. Другими словами, отрицая наличие колоний в Российской империи, Россия, естественно, не могла иметь и колониальных учреждений, хотя по сути Азиатский департамент мало чем отличался от британского Colonial Office, французского Arab Bureau или германского Kolonialamt.

Российская империя стояла перед такими же дилеммами, что и другие европейские империи, но с самого начала применяла другой подход. Если в начале, а в Британской империи и до середины XIX века колониальное управление возлагалось на частные акционерные общества, хотя и поддерживаемые правительством — такие как голландская Объединенная Ост-Индийская компания (Vereenigde Oost-Indische Compagnie), французская Компания Ост-Индийской торговли (Compagnie française pour le commerce des Indes orientales) или британские British East India (в Ост-Индии) или The Hudson Bay Co. (в Северной Америке), — то в Москве и Петербурге предпочитали, чтобы новыми территориями непосредственно управляли государственные чиновники. Исключений было немного: жалованная грамота, которую Иван Грозный дал купцам Строгановым на покорение Сибири в 1574 году, и Российско-Американская компания на Аляске, основанная в 1799 году как одно из первых в России акционерных обществ⁶; однако характерно, что на протяжении последующих двадцати лет она была поставлена под фактический государственный контроль (участие в управлении компанией высокопоставленных морских офицеров и членов императорской семьи и тому подобные меры).

Колониальная империя

Была ли Россия колониальной империей, и если да, то как она вписывается в систему европейских колониальных держав? Не вдаваясь в подробности обширных дискуссий о том, что является колониальной империей в российском или общеевропейском контексте, скажу только, что, на мой взгляд, политика Москвы и Петербурга в азиатской части империи, несомненно, являлась одним из вариантов колониальной политики европейских государств.

Европейские колониальные империи различались своим подходом к управлению завоеванными территориями и народами. Хотя классическим примером колониальной империи считается Великобритания, ее административные методы, как и реже обсуждаемые методы Нидерландов, представляли лишь один из вариантов колониального управления. Отражая политическую структуру своих метрополий, британские и нидерландские колонии имели высокую степень политической автономии и функционировали в первую очередь как коммерческие предприятия, ориентированные на получение прибыли. Ими управляли частные компании, организованные и поддерживаемые правительствами их стран.

Совершенно другую модель колониальной империи представляли Испания, Португалия, Франция, а позднее, в XIX веке, — Германия. Политические и идеологические структуры этих метрополий не позволяли давать автономию колониям или управлять ими с помощью коммерческих структур. Колонии этих империй включались в государственные структуры, управлялись государственными чиновниками и считались государственными владениями монархов (в Германии этот период начался в 1880-х годах).

⁵Подробнее см: Khodorkovsky 1992: 74-99.

⁶Особенность Российско-Американской компании заключалась в том, что ей были фактически даны некоторые негосударственные властные полномочия на вверенной территории. Это было исключением из российских правил и напоминало западные колониальные компании.

Развертывание колониальной модели в азиатской части Российской империи мало чем отличалось от вышеупомянутой группы империй, предпочитавших прямое управление колониями. Главное различие было в том, что Россия настойчиво отрицала наличие у себя колоний: она включала новые территории и народы в состав империи и рассматривала их как неотъемлемую часть Российского государства.

С необходимостью возникает вопрос: почему, в отличие от других европейских колониальных держав, Россия отказывалась от терминологии колониальной империи? Только ли потому, что завоеванные Россией территории и народы непосредственно прилегали к территории Российской метрополии и не были отделены от нее морским пространством? Ведь, по сути дела, при своем расширении на азиатские территории будущей империи Российское государство столкнулось с колониальной ситуацией, подобной тем, с какими имели дело «традиционные» европейские колониальные державы.

Главным признаком колониализма как принципа, зародившегося в эпоху раннего Просвещения, стала асимметричность отношений между завоевателями, представлявшими, как они полагали, христианскую цивилизацию и суверенное государство, и завоеванными народами — мусульманами или политеистами. На этом основании завоеватели считали, что их роль — «цивилизаторская». Именно в такой роли и находила себя Россия, продвигаясь в течение столетий все дальше на юг и восток.

Если учесть эту особенность русского экспансионизма, то развитие колониальных органов управления в Московском государстве, а после в Российской империи *опережало* становление колониальных учреждений в большинстве западноевропейских держав, за исключением Испании. Так, со второй половины XVI века управление завоеванными территориями на востоке и юге попадает под руководство Казанского приказа, сформированного для этой цели. Этот приказ можно назвать первым колониальным учреждением Московской империи⁷.

В конце XVII и в течение XVIII века управление различными народами происходило частью, как уже сказано, через Посольский приказ, частью через учреждения, сформированные *ad hoc*, как, например, организованный в 1660-х годах для отношений с калмыками и просуществовавший недолго Калмыцкий приказ или Оренбургская пограничная комиссия, созданная в 1730-х годах для дипломатических и торговых сношений с казахами и другими народами Средней Азии. Только в 1819 году создается более постоянное учреждение по взаимодействию с народами Азии — Азиатский департамент при Министерстве иностранных дел. Его предшественницей была Азиатская (четвертая) экспедиция Секретного департамента Коллегии иностранных дел, созданная в 1802 году.

В отличие от западноевропейских колониальных держав, которые в основном руководствовались коммерческими интересами, Российская империя большей частью преследовала геополитические и стратегические цели. Отсюда и настойчивость, с которой чиновники видели в «окраинных» народах лояльных подданных, и неготовность государственного аппарата к любой децентрализации власти или местной автономизации, и ставший результатом этих особенностей отказ от предоставления статуса колоний присоединенным землям.

Именно в технологии государственного управления колониальными территориями Россия «опережала» Европу. В XVIII-XIX веках развитие европейских колониальных империй состояло в переходе управления от частных акционерных обществ или квазигосударственных структур к государственным органам. Так, например, в XIX веке французские колониальные завоевания в Северной Африке и Индокитае находились уже под полным контролем Парижа, испанские колонии в Тихом океане от Филиппин до Каролинских островов (так на-

⁷Для сравнения, первый испанский колониальный орган — Комитет Индий (Junta de Indias) был создан вскоре после смерти Христофора Колумба (1451-1506). В 1524 году комитет был переименован в Королевский и верховный совет Индий (Real y Supremo Consejo de Indias), который в XVI-XIX веках был наделен исполнительной, законодательной и судебной властью в американских и филиппинских колониях. — Прим. ред.

зываемые Испанские Ост-Индии — *Indias Orientales Espanolas*) перешли под прямое управление из Мадрида в 1821 году, британские колонии в Индии стали подчиняться непосредственно королеве после восстания сипаев 1857-1859 годов, а германские колониальные завоевания вскоре после образования объединенного государства были подчинены имперскому правительству.

Преобладание государственных интересов во время экспансии Российской империи привело к тому, что Россия столкнулась раньше других с проблемами государственного управления колониями. В то время как известный английский историк и политик Томас Бабингтон Маколей призывал в 1835 году создать в Индии правящий класс, члены которого были бы «индийцами по крови и цвету кожи, но англичанами по вкусам, моральным ценностям и интеллекту» [Macaulay 1957: 721-729.], подобный класс принявших русскую культуру посредников уже столетиями помогал России управлять присоединенными народами. Вначале это были дети этнических элит, которые были взяты в заложники и обращены в христианство. С конца XVIII века сыновья знатных представителей присоединенных народов все более последовательно направлялись на обучение в российские привилегированные школы, чтобы потом возвратиться на родину и управлять своими народами на пользу империи.

Но если Россия и опережала другие колониальные империи в области государственного управления, то ее государственные чиновники долгое время сохраняли весьма ограниченные представления о тех, кем они управляли. Несмотря на то что Россия вступила в контакт с неевропейскими народами раньше, чем ее европейские соседи, уровень знаний об их обычаях, языках и законах у представителей российского государственного аппарата оставался минимальным. В отличие от России, европейские империи уже в XVII-XVIII веках серьезно занимались изучением языков колонизированных народов, собиранием и переводом их законов и описанием обычаев; впоследствии эти описания оказались одним из истоков научной этнографии. Административный аппарат британских и французских колоний во многом состоял из чиновников, специально подготовленных к работе с неевропейскими народами и прошедших курсы по изучению местных языков и законов.

Большую роль в распространении европейских знаний в колониях и в приобретении знаний о местном населении играла миссионерская деятельность. В этой области первенство принадлежало Испанской империи, которая долгое время покровительствовала различным католическим орденам. В России миссионерская деятельность была поставлена под контроль государства, заинтересованного преимущественно в лояльности покоренного населения. Неадекватность миссионерской работы в России была настолько очевидна, что Иван Посошков в 1719 году, сравнивая ситуацию в России с деятельностью католической церкви, не мог не заметить, что народы Среднего Поволжья до сих пор не имели представления о христианстве «несмотря на то, что было бы несложно обратить их в христианство, ибо они находятся внутри империи» [Посошков 1893: 323].

Посошков обратил внимание на одно из противоречий российской системы управления: сотни тысяч «инородцев», которые формально были подданными империи, по сути оставались за ее пределами. Дело было не только в том, что большинство из них оставались некрещеными или перешли в христианство только номинально. Если народы Среднего Поволжья через сто шестьдесят лет после их покорения⁸ не были включены в социально-культурное пространство империи, что же можно было говорить в конце XIX века о более отдаленных окраинах или недавно (на тот момент) завоеванных регионах Кавказа и Центральной Азии?

Проблема, как уже сказано, состояла в том, что на азиатских пространствах имперские границы были аморфными. Для управления ими у государства не было административных возможностей. Имперские границы могли стать устойчивыми только при приближении рос-

⁸Если считать главным моментом этого покорения разгром Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 году.

сийской экспансии к границам других суверенных государств или их колоний: Османской империи на Кавказе, Ирана и британских владений в Центральной Азии, Китая в Южной Сибири и на Дальнем Востоке.

Не менее сложным было хотя бы мысленно провести границу между метрополией и периферией. Конечно, такая граница была в основном воображаемым конструктом и постоянно продвигалась все дальше на юг и восток от центра страны. К началу XIX века Среднее Поволжье воспринималось как часть российской «метрополии», так же как к началу XX века Северо-Западный Кавказ, еще исторически недавно заселенный почти исключительно адыгейскими народами, многими считался исконно русской областью расселения кубанских казаков.

Становится очевидным, что распад СССР в 1991 году был, по сути дела, результатом деколонизации и стал национальной травмой еще и потому, что столетиями продвигавшиеся государственные границы, как географические, так и воображаемые, вдруг из внутренних превратились во внешние. И то, что считалось внутренним пространством, стало «ближним зарубежьем».

Кашеев В.И. 1993. *Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200-146 гг. до н.э.* — М.

Посошков И.Т. 1893. *Завещание отеческое* / Под ред. Е.М. Прилежаева. Изд. новое, дополн. вновь открытой второй половиной «Завещания». — СПб.: Комиссия для описания архива Святейшего правительствующего Синода.

Ремнев А. 2010. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи.* — М.: Новое литературное обозрение.

Сокуров В. 1999. Институт выезда на службу у черкесов. — *Эльбрус (Пальчик)*. — № 1. — С. 116-117.

Braund D. 1984. *Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship.* — L.

Brower D. 2003. *Turkestan and the fate of the Russian Empire.* — N.Y.: Routledge.

Khodorkovsky M. 1992. *Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771.* — Cornell University Press.

Khodarkovsky M. 2002. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800.* — Bloomington: Indiana University Press.

Macaulay T.B. 1957. Minute of 2 February 1835 on Indian Education. — *Macaulay T.B. Prose and Poetry* / Sel. by G.M. Young. — Cambridge, MA: Harvard University Press.